

Татьяна Вольтская

Крылатый санитар

Татьяна Вольтская

Крылатый санитар

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Вольтская
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В71

Т. Вольтская

В71 Крылатый санитар / Татьяна Вольтская. – М.: Воймега, 2019. – 96 с.

ISBN 978-5-6042671-4-1

Татьяна Вольтская родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский институт культуры. Стихи и эссе публиковались в журналах «Звезда», «Нева», «Знамя», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Этажи», «Дружба народов», «Новый берег» и других. Автор десяти сборников стихов. Стихи переводились на шведский, нидерландский, финский, итальянский, немецкий, английский и литовский языки. Журналист, сотрудничает с «Радио Свобода». В 1995–1998 годах была соредактором петербургского литературного журнала «Постскриптум» (с Владимиром Аллоем и Самуилом Лурье). Лауреат Пушкинской стипендии (1999), премий журналов «Звезда» (2003) и «Интерпоэзия» (2016). Лауреат Волошинского конкурса (2018) – за рукопись книги «Крылатый санитар».

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

ISBN 978-5-6042671-4-1

© Т. Вольтская, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

С той стороны
ЖИЗНИ

* * *

Вся эта улица, трамвайный
Стекольный дребезг за окном,
Весь этот город влажный, свайный,
Дождём читаемый с трудом,

И набережных повороты,
Как повороты конских шей
Гранитной в яблоках породы, –
С проплешинами алкашей,

Чьи отражения качает
Волна, шуршащая: «Пора!»
Весь этот дым из труб
и чаек
Рыдающие тенора,

Вся эта плоская равнина,
Затянутая пеленой,
Весь
тикающий мир – как мина,
Положенная за стеной,

Все барыши его, все башни,
Все полные костями рвы,
Все марши – только сон, объявший
Любовников после любви.

* * *

Кто я, Господи, откуда я,
Почему в ночи не сплю,
Плечи в старый свитер кутаю,
От простуды водку пью?

Почему дорога лужами
И ухабами полна,
Почему чужого мужа я
Слушать за полночь должна?

Почему трава не кошена
И удобства во дворе,
Карандашик в сумке кожаной,
В сердце — точки да тире?

Почему, как заговорено,
Прёт — бурьяном — естество:
Как заводишь речь — не вовремя,
Как полюбишь — не того?

И не дивно ли, не странно ли,
Что заплаканной семьёй
Облака летят, как ангелы,
Надо мной и над землёй?

* * *

Ничего без тебя бы не было —
Ни деревьев, ни света белого,
Ни белёного потолка,
Ни растаявшего «пока»

В складках ситцевого Литейного —
Словно крестика след
                                нательного
С мелкой крапинкой голубой,
Поцелованного тобой.

Ничего без тебя бы не было —
Ни на лавочке пьяных дембелей,
Ни кустов в снеговых чехлах,
Ни пятнадцатого числа.

Ничего и нет. Кухня вымыта.
Из-под рук вырывается имя твоё —
Словно пламени язычок.
И становится горячо.

* * *

Кто чижиком, кто воробьём,
Сиротской смертью пташьей
Мы все когда-нибудь умрём,
И это очень страшно.

Но ты смотри в мои глаза
И горестно, и долго.
Шумит вода, блестит слеза
В пустых лесных иголках.

Смотри в глаза мои, сжимай
Сырые плечи крепче.
Как старше осени — зима,
Разлука — старше встречи.

Прозрачен воздуха платок,
И всё, что видит око, —
То и ложится в узелок,
Как чёрный хлеб в дорогу.

* * *

Имя в книжке записной
До сих пор не стёрто.
Между мною и тобой —
Вёрсты, вёрсты, вёрсты.

По ночам они болят,
Ноют, как суставы,
Эти звёздные поля,
Ледяные травы.

Рвётся снежное бельё.
На экране плоском
Имя светится твоё
Солнечной полоской.

Видишь, времени края
Растрепались: ветошь.
Не нажать ли? «Это я» —
Вдруг ответишь?

* * *

Никакого я не имею права
Ни на голос твой, ни на твой смешок.
Растекается темноты отравы,
Ночь пихает деревню в пустой мешок

С затхлым духом, плесенью по сусекам
И слезой, выползающей на ветру.
Тощим ёлкам холодно, словно зекам
В продувном бараке. Глядит в дыру

Золотая звезда рождества Христова,
И, поймав на себе её тихий взгляд,
Забывает узник, что арестован,
И не слышит криков: «Назад! Назад!»

Ну а я — сквозь поле в полночной саже,
Сквозь внезапно раздавшиеся кусты
Дотянусь — и глажу тебя и глажу,
Забывая, что руки мои пусты.

* * *

В тёмной утробе зимы шерстяной –
Словно в огромной варежке.
Толпы шуршат. За стеклянной стеной –
Жарко, и кофе варится.

Маленький рынок – разложен товар
Важный, торгуют рейтузами,
Мёдом и салом. Шаги Рождества –
Издали, сбоку – не узнаны.

Толстою кожей обтянутый дом,
Окна, светящие скупой,
Снег утыкается мне в ладонь,
Как лошадиные губы.

* * *

Где ты ходишь, невидимый, где ты
Облака измеряешь пешком?
Только голос мерцает, продетый
Тёмно-красною ниткой в ушко.

Над стадами машин монотонных,
Безнадёжно застрявших в пути,
Гаснут мокрого снега бутоны
На лету, не успев расцвести,

Бьются чёрные волны о сваи,
Под мостом — будто вылили яд,
И объятия не заживают,
Где разорваны — там и горят.

* * *

Из воздушных степей, в волнах летучих орд,
Подбодряя себя сквозь зубы: «Давай чеши!» —
Грешник вываливается в аэропорт,
Прозрачный, как песочные часы.

С лёгким шорохом высыпается жизнь
Из стеклянного горлышка — стружкой песка.
Дома грешник выпускает из бутылки джин
В рюмку, где уже притаилась тоска.

Он ему приказывает: веселись,
Бей в ладоши, бегай в крови,
А тот глядит не мигая, как василиск,
И рот кривит —

Ибо грешник снедаем тревогой. Неугасимый червь
Вылезает из ада — пощекотать
В солнечное сплетенье. Дивится чернь:
Во как запел — праведным не чета.

Во как танцует — глянь, какие прыжки,
Вверх и в стороны — непостижно уму.
А он — перепрыгивает языки
Пламени, видные только ему,

Рвущиеся из-под стола, из книг,
Из-под стула, на который он сел верхом:
Всё, чего он касается, загорается в тот же миг,
Как бензином, пропитанное грехом.

И улица, где проходит он, и река
В длинной белой рубашке, и дома за рекой,
И губы, которые целует он, и строка,
Которую он выводит прыгающей рукой.

* * *

А знаешь, всё-таки спасибо,
Что май, что облако, что ты,
Что горло сжалось и осипло
От налетевшей пустоты,

Что дерево плывёт украдкой,
И лучше бы не пить до дна –
Чтоб не кривиться от осадка –
Ни поцелуя, ни вина,

И что не прибрана квартира,
И что в окошке провода,
И что тебе меня хватило,
И что не хватит никогда,

Что из углов повылезали
Все призраки –
                                как из чащоб,
Что жизнь кончается слезами –
А чем ещё?

* * *

Женщина в разлом своего тела
Впускает мужчину — как воду или траву,
Вариацию, всеми корнями в тему
Впившуюся: разовью или разорву.

Упорный как дождь и как смычок проворный,
Словом и плотью, одолевая страх,
Глиной он повторяет её формы
И облаками, сущими в небесах,

Мясом материка, молоком эфира,
Сводами полдня, что прочен и невесом,
Неторопливым мёдом славянофила,
Западника вертящимся колесом,

Лодкой, автомобилем, пустыней даже —
Всем, что когда-то мучило и влекло,
Пригородами, заквашенными на джазе
Многоэтажном, бликующем, как стекло.

Прагою повторяет её и Веной,
В кольцах дешёвых шёлковой Москвой,
Днём и ночью, наружно и внутривенно,
Вспышками нежности, ненависти мгновенно
Озаряя мира тёмное естество.

* * *

Вот ты и пришёл ко мне, обнял, поцеловал –
В доме, которого больше нет.
«Вот же, вот же!» – вспыхивают слова,
И я бросаюсь разогревать обед.

Ты стоишь у окна, запрокидываешь мне лицо,
Газовая горелка гудит, как шмель,
И воздух за окном, как моё старое пальтецо,
Распахивается. Нет, как шинель.

Вчерашняя картошка на сковородке, лук.
Холодильник – что новобранец, гол.
«Я бы съел яичницу», – ты говоришь, и звук
Пробегают по телу, как алкоголь.

«Я бы съел яичницу», – отдыхает Бах,
Вместе с Моцартом курит в углу.
Свет играет на твоих губах,
Я в игру вступаю, беру иглу,

Зашиваю тебе дырявый карман,
Скользкую подкладку, боюсь не успеть.
Музыка приходит не в награду, а задарма,
И двери ей открывает смерть.

* * *

В чёрно-белую гулкую стужу,
В лубяном високосном краю
Отпою, отмолю твою душу,
Драгоценную душу твою.

Я-то знаю, как ей одиноко
На проспекте пустом, ледяном
В час, когда наливаются окна
Разноцветным вечерним вином,

Летний сад превращается в зимний,
Металлических лип этажи
Не звенят. Не гони, не грози мне,
Влажным ветром в лицо не дыши,

Замирая у самого края
Жалкой птицей, зажатой в горсти:
Пусть уж лучше меня покарают,
Прошептав тебе тихо — лети!

* * *

Спящий не спит — он пьёт чёрное молоко ночи,
Взахлёб, колени подтягивая к животу.
Ангел спать не умеет, а если хочет —
Просто гаснет и вспыхивает на лету.

Спящий — кочевник. Чем его сон короче,
Тем длиннее путь, тем больше мелькает лиц.
Чёрное молоко, чёрное молоко ночи
Под тёплыми животами невидимых кобылиц.

Спящий — охотник: он забывает отчий
Язык, впереди его — дичью — несётся мысль,
Которую он не поймает. Чёрное молоко ночи
Прокисает под утро, превращаясь в кумыс.

Спящий не спит — он вспоминает, кто он,
Где халат и отчего подушка его мокра,
Тапки нашарив, он поднимается в завтра, но со стоном
Падает во вчера.

Душу свою расталкивает, свернувшуюся в комочек,
Дразнит ангела, мигающего, как лайнер, кричит: «Обман!»
И сдаётся и снова пьёт чёрное молоко ночи,
Чёрное молоко ночи, текущее по губам.

* * *

Снег лежит как убитый царевич.
Двор зарёван. Старуха в окне.
И деревья, как жаждущий зрелищ
Тёмный люд, собрались в стороне.

Город мрачен, как будто в опале, —
Там труба из траншеи торчит,
Тут куски штукатурки упали
Прямо в лужу — клочками парчи.

У парадной повалится пьяный,
Помигает кортеж, матерок
Обгоняя, и — руки в карманы —
Захромает блатной ветерок:

Что-то зреет в душе его мутной,
Что-то светит — кому-то казна,
Самозванное счастье, кому-то —
Разоренье и смута. Весна.

* * *

Слезится стекло, оплывает стена из воска,
Крошится воздух, скрипит на зубах извёстка,
Река снимает своё ледяное платье,
И тот, кто сегодня гуляет, за всё заплатит –
За мост чугунный, булыжник старорежимный,
За шаг летучий, за поцелуй в машине –
С оглядкой, будто город сейчас исчезнет –
Не будет ни замка, ни голубой мечети,
Ни набережной, где долго не тает слово,
Ни сумерек мягких, ни Репина, ни Серова.
Бунтует ветер, холодный рассвет не гаснет.
Весна – это Суриков. Утро стрелецкой казни.

* * *

Развернулась гармошка ступенек
К блёклой речке с горбинкой моста,
Ну а всхлипнувший звук — до степенных
Ёлок не дотянулся — устал

И повис — меж ветвями, грачами,
Косяками пустого жилья,
Будто слово, что ты на прощанье
Мне сказал, — не расслышала я,

И оно полетело по свету,
По углам, по застрехам души,
Коноплянкой, вспорхнувшею с ветки:
Птицы нету, а ветка дрожит.

* * *

С той стороны жизни ты говоришь: *люблю*,
Это слово пахнет как свежесдобитые коржи.
С той стороны смерти, гвоздиком по стеклу
Процарапанное, проступает – «жизнь».

Старенький, дребезжащий вырывает трамвай
И останавливается посреди войны.
Только – шепчу – пожалуйста, форточку не закрывай
С этой – тебе видней – или с той стороны.

С той стороны времени ты говоришь: *обними* –
Время снимается, выворачивается, как чулок,
Так что сначала кажется – это уже не мы,
И кто-то над нами носится – чайка или чирок.

И кажется, смерть пятится в свои глухие углы,
В кучи истлевших справок и гнилого тряпья.
Что ей взять с нас, тощей, как острие иглы, –
С той стороны *ты*, с той стороны *я*.

* * *

Воздух нарезан стрижами
На круги и полоски.
Леса пустые скрижали,
Неба свежие доски.

Берёзы, рядами стоя,
Держат сорочьи гнёзда.
С будущей листвою —
Будущее начнётся:

Засвищет на проводе чёрный дрозд,
Застучит дождя щегольская трость,
И ты протянешь руку к звонку,
На каждом пальце — по огоньку.

* * *

Ничего я не забыла — ни помады, ни платка.
Дышат нежные стропила в белом теле потолка.
Вытравит моё дыханье мелкий дождик со стекла,
Загоревшееся втайне, прогоревшее дотла.
Не забыла ничего я в этой комнате ночной,
Где вчера сидели двое, пили красное вино, —
Ни расчёски, ни перчаток, ни стеклянного крыла,
Даже тела отпечаток с простыни подобрала.
Ты не вспыхнешь напоследок, не прошепчешь мне — постой! —
Этот воздух слишком едок, и на улице пустой
Резок свет автомобиля, словно лезвие ножа.
Ничего я не забыла. Уезжаешь — уезжай!

* * *

И снег вернулся — грязный, серый.
Как зек из дальних лагерей,
Как отсыревший ангел, серой
Обкуранный, — скорей, скорей,

Пока начальство отвернулось,
Болтая глупость про весну, —
Сжать руки побледневших улиц,
Обнять кусты, прильнуть к окну,

Затылком чуя взгляды: вот он,
Пришёл — какая в нём нужда?
Шурша, как голос в телефоне,
Которого никто не ждал.

* * *

Ты меня ревнуешь к снегу.
Ветер дует, слёзы льются.
Солнце катится по небу
Алым яблоком по блюдцу.

Ты меня ревнуешь к слову,
К облаку в ночной сорочке,
К тропке, побежавшей, словно
Серый шерстяной клубочек, —

За канавы, за сараи,
К мягким кочкам, синим волнам.
Всё найдём, что потеряли,
Всё, что позабыли, вспомним —

И заморскую синицу,
Кофточку её простую,
Только бы с пути не сбиться.
Дай-ка где болит подую.

Прогулка

Башмаками земли не касаясь,
Головами – сырых облаков,
Вызывая весёлую зависть,
Раздвигая руками легко

Невода непросушенных улиц,
Сквозь вечернюю белую мглу
Мы идём, поминутно целуясь,
Замедляя шаги на углу,

Пропуская цветные трамваи,
Не болтая – по-птичьи свистя,
По пути машинально срывая
Виноградные гроздья дождя.

* * *

Знаешь, всего дороже —
Этот зелёный вал:
У железнодорожной
Будки ты мне кивал,

Ёлки стояли боком
В тени клубуков,
В доме синели окна,
Полные облаков.

Плавные их лекала
Держатся до зимы.
Этими облаками
И укрывались мы.

Бабочка вьётся мимо,
Крылышек холодок —
Словно в руке незримой
Вспыхивает платок.

* * *

Мы будем точкой с запятой на зимней мостовой,
А снег летит, как Дух святой, над нашей головой,
Не спрашивая имени, у века на краю.
Люби меня, прости меня за песенку мою.
Сквозь пригороды страшные вези меня в такси,
Вон шарфик твой оранжевый – заклятье от тоски,
От свирепеющей чумы и от лица земли,
Куда глядеть обречены, пока не замели
Сугробы нас или менты и прочие кранты,
Всегда под боком у беды, что прячется в кусты.
Ночь растворяется в снегу, как кофе в молоке,
Касается замёрзших губ и гладит по щеке,
Но вдруг отступит на шагок, на два шажка всего:
На теле у меня ожог от тела твоего,
И на столе пестреет снедь, и кажется нежна
Возлюбленная жизнь,
и смерть – законная жена.

* * *

Ангел мой хранитель,
Крылья поперёк,
Где твой белый китель,
Чёрный козырёк?

Где твоя фуражка –
В море потерял?
Без тебя мне страшно
В груди одеял.

В городе портовом –
Облаков балет,
Ты летишь, оторван,
Как входной билет,

А куда – приметы
Были на виду,
Но сейчас я этой
Двери не найду.

Приходи на угол,
Помаши рукой –
Или перепутал
Ты меня с другой?

Отпуск

* * *

Я беспокоюсь — как я выгляжу.
Гороховое платье выглажу,
И усмехнутся зеркала,
Придвинутся ко мне — а дальше как?
А дальше — брови карандашиком
Подрисовать — и все дела.

Упрячем перья мокрой курицы:
Пусть алый рот плывёт над улицей,
Как флаг неведомой страны,
Где встречные почти не хмурятся
И где Феллини и Кустурицей
Все зубы заговорены.

Остыл мой дом, пуста постель моя.
Идёшь — в толпе глаза бесцельные
Поблёскивают, будто ртуть.
На то и жизнь — чтобы не ладиться.
Волна горохового платица,
Неси меня куда-нибудь.

Неси меня к друзьям на празднество
Или к врагам — какая разница,
Лишь бы дома качались в ряд
И губы — над волною шёлковой:
Лишь, оглянувшись, подошёл бы ты
Узнать — зачем они горят.

* * *

В стороне моей холода,
Шерстяные носки да печка,
Возле двери, что заперта,
Не летит воробьём словечко.

Как травинки, дрожат мосты
На Неве и реке Великой,
И унизаны все кусты
Крупной ягодой дождевикой.

* * *

Синяя ваза с фруктами облаков,
Синяя, смятая ветром скатерть
Грубые складки свои легко,
Будто из-под ладони Господней, катит.

Белые мазанки все ещё держат ряд,
Небо стеклянно ещё, домотканно море,
Только уже торговки не говорят
Ни на древнегреческом, ни на мове.

Как незаметно впитывает песок
Кровь — и охотней, и даже быстрее, чем воду,
Гребни наречий мчатся наискосок
К берегу, будто надеясь догнать кого-то.

Сколько бы ни притекало сюда племён,
Сколько бы ни изгонялось, где бы
Ни умирали, праздник не отменён,
Море не вылилось и не разбилось небо.

Правда, чтобы не видеть пределов зла,
Между прозрачным овалом, где солнце — с дыньку, —
И полотняной гладью, вокруг весла
Смятой, Господь милосердно повесил дымку.

Отпуск

Ире Евсе

1

В крестьянском выгоревшем платъице,
Потупившись, подходит степь,
И горы призрачные пятаются,
И василёк танцует степ.
А берег отвернулся, жёлтый,
Горячий, погружённый в бег
Валов, и сон густой, тяжёлый
Струится из-под тёмных век.

2

Сухой, настойчивый, восточный,
Вдруг наводнивший, как войска,
Весь городок, швыряя строчки
Коротких волн — наверняка
Приказ или прощанье, — ветер
Пинает побеждённый мол
И море комкает и вертит,
Взволнованное, как письмо.

3

Все торговки в ларьках у пирса,
Поклоняющиеся жару,

Мужичок, что с утра напился,
Даль, дрожащая, как желе, —
В тучу вперились, как в крамолу,
Как в приплывшего мертвеца,
А мальчишки сигают с мола
В малосольное Чёрное море
Цвета свежего огурца.

4

Крым — не наш и не ваш, он Господень,
Желтоват, кисловат: алыча.
Расцветает акация. Полдень
Тёплой каплей стекает с плеча.
Крым — ничей, как бродячая стая
Псов у рынка. Хула, похвала —
Словно крики разносчиков, тает
Над волной: «Пахлава! Пахлава!»

5

Наклонился бревенчатый север,
Горстку золота — вымытый луч
Сквозь еловые ветки просеял,
А белёная стенка и плющ —
Это юг. Оплетённая туго,
С чем-то красным бутыль у стены.
Так и смотрят они друг на друга
В недоверчивом сне — влюблены.

6

Корни севера стелются по земле,
Корни юга ввинчиваются вглубь.
Смуглый первенец, баловень, юг в семье
Всё как будто ластится — приголубь,
Всё стоит с пушком над губой, в тени,
Он улыбкой — юн, а глазами — дряхл.
Руку бледную с трепетом протяни —
И отдёргнешь — красную, в волдырях.

7

Верёвкой-тропой обмотана
Гора, как козий мех с вином,
И тянется людская, потная
Цепочка — за звеном звено,
Теряется в щели глубокой,
Ползёт, стирая пыль с колен
И отпечатки пальцев Бога
Вдруг замечая на скале.

8

Всё забудешь — кого целовал
И кого проводил и оплакал.
В плотном зное пуста голова,
Как шкатулка, покрытая лаком.
Смоет всё — ожиданье беды
И досаду от мелких ошибок
Студенистое тело воды
В тонкой сетке лучистых прожилок.

9

Припадая к жёлтому берегу наконец —
Из своих дождей, из своих камней, из своих чащоб —
Раскрывая морю объятья свои, пловец
Ненасытен: устал — а ещё бы ласкать, ещё б
Ускользать в материнской волны обретённый кров,
Золотистое сердце своё поднимать со дна.
У человека и моря — одна кровь:
Так же дешёво стоит —
  и хлещет —
  и солона.

10

На златом крыльце, золотом песке
Посидел царём — уступи другим,
Уходя, как положено, налегке.
Твоё место свято — оно пустым
Не останется. Что сбылось — сбылось,
Чему сбыться — любви ли, страде, беде —
Не гадай. Поиграв лепестками роз,
Ветер водит вилами по воде.

11

Отпуск кончился. В шлеме литого зноя
Проходя по улицам городка,
Вспоминаешь жилище своё лесное
И что жизнь, как каникулы, коротка,
Что всё дальше юг — вороватый странник,
Облаков обломки, подошвы гор,

И всё ближе варварский полустанок,
Хвойный ладан, вдовый еловый хор.

12

Закрывается око морское,
Открывается око небес,
Затмевается сердце мирское
И земля, потерявшая вес.
Гаснут окна, и травы примяты,
И горят в переулках кривых
Незажившие розы – стигматы
На ногах и запястьях Твоих.

* * *

Льётся с нёба вода, как живое стекло,
Ходят потного леса худые бока,
Дышит клён, будто скачущий конь, тяжело,
Голос твой пробивается сквозь облака –
Вспышки, точки, зигзаги, зарницы – пока!

Слоги рвутся, свисают с забора, с куста,
День помехами полон, трещит и шипит,
Мелкой рябью идёт – ты, наверно, устал, –
Рассыпается веером мелкой щепы

Возле печки, не падает чудом, застыв
На крыльце покосившемся, цепко держась
То за кончики фраз, то за эти кусты,
Обрывается связь, продолжается джаз

Ожиданья. От влаги разбухло окно.
День – себе на уме, с хитрецей и ленцой:
Голос падает в рыхлую землю – зерном,
Лёгкой пеной черёмухи брызжет в лицо.

* * *

Выглянешь из дому – ветки уже покрыты
Бледно-зелёной любовью.
Ветер колыхнется, как Колхида, –
Круглые волны, спины воловьи.

Иду ли по улице, тарелку супа несущи
К столу – не понимаю, где я:
Улеглись метели, вылетело из улья
Медовое имя – Медея.

Она ещё погуляет, ещё поколдует,
От огня подземного хорошея,
Обовьёт руками смуглыми – молодую
Язону шею.

Далеко ещё разбрызганная по листьям
Кровь – детей и брата,
А нога Язона уже ступила на пристань –
Не повернёт обратно.

Далеко ещё ревность, хрустящая льдом по луже,
Проступивший на скулах иней,
Далеко ещё ярость безглазой стужи,
Волчий вой Эриний.

Погуляй ещё, потрись о пришельца кошкой,
Погляди на облачные вершины:
С них стекает мёд, и пахнет земля вином. А кого убьёшь ты –
За тебя решили.

* * *

Уже смеркается, Меркуцио,
К ночёвке подались вороны,
И вытянулись тени куцые
С полудня — до ворот Вероны.

Сейчас ватага перебесится
И солнце станет головнёю,
И можно не ползти по лестнице,
Как краб с оторванной клешнёю,

И поутру охота с гончими,
И пир ночной лишились смысла —
Ну да, Меркуцио, всё кончено,
Душа на ниточке повисла,

Текущей из груди, — а мальчик-то,
Чьё сердце превратилось в солнце,
Склоняется к рубашке складчатой
Твоей — и всё ещё смеётся.

Ты первый сделаешься жатвою,
Тяжёлым колосом осенним.
Пылает серп любви, душа твоя
Дошутится до воскресенья.

В поезде

Остановиться бы — да в этом домике
Пожить, задуматься, погостевать,
Качнуться птичкой на ветке тоненькой,
Где ветка свесилась — там и кровать.

Смотри, окошко-то горит, зовёт меня,
Другое светится в полях — маяк,
И след ноги моей блестит на отмели,
Там жизнь не прожита — моя, моя!

Она уносится в промозглой мороси —
Ни садоводства ей, ни городка,
Не надо радости, не надо горести —
А только скорости — привет, пока!

* * *

В Европе холодно, в Италии темно...
О. Мандельштам

В Европе учат жить, в России умирать.
В прозрачных городках, игрушках средиземных, —
И молоко дождя, и солнца мармелад
Дрожит на языке, поплёскивает в звеньях

Улыбчивых домов и улочек кривых,
В чешуйках жалюзи, — вот тут-то жить и жить бы:
Базар, маслины, сыр — но ты же не привык, —
Как старый холостяк сбегает от женитьбы,

И ты бежишь назад — к пластинкам на костях,
К сортиру во дворе, в прокуренную нору,
И к хлебу чёрному, и к ссоре при гостях,
И — до сведённых скул — ночному разговору

О войнах мировых, путях добра и зла,
О Марксе и Христе, китайцах и евреях,
И водка кончилась, и крыша протекла,
И сушится пальто на ржавой батарее.

Но крыша подождёт — а что сказал Марат,
Когда к нему пришла та, нежная, понять бы.
В Европе учат жить, в России умирать,
А то, что не умрёт, — то доживёт до свадьбы.

* * *

Вот только что строилась эта,
на тысяче лёгких колонн,
Всемирная ярмарка лета —
под шелест, и посвист, и звон,
Вот только что первый листочек,
заклеенный плотно конверт,
Как тайного знания источник
являлся, как первый ответ
Глядящему вверх на стропила
ветвей, на изогнутый дождь,
Вот только что — быстрые пилы
кузнечика, хрупкий чертёж,
Дрожащий под лапкой паучьей,
ещё не просохший, в слезах,
И купол, на птичьих созвучьях
повисший, и воздух в лесах,
Пропахший вокзалом и краской;
толпа, заблудился — пропал!
И вдруг — ни гуденья, ни лязга,
лишь рыбы скелетики шпал.
Вот только что было начало —
смеялись, твердили азы —
И пусто: дымок иван-чая,
разбитый витраж стрекозы.

Случайные попутчики

* * *

Вечерами под окнами Блока
Чёрный ветер окурки метёт.
Александр Александрович, плохо!
Дайте хоть постоять у ворот.

Александр Александрович, тяжело!
Не поможет ни сон, ни вино.
В мелкой ряби изогнутой Пряжки
Отражается ваше окно.

Целый век этим улицам снятся
Ночь, ворота, шагов череда –
Окаянные ваши двенадцать
Всё никак не придут никуда.

Не страшит их ни мор, ни разруха,
Не собьёшь зачарованный шаг:
Из войны до ГУЛАГа – по кругу
На войну – и обратно в ГУЛАГ.

Ни серебряных пуль эта сила
Не боится, ни жарких сердец.
Александр Александрович, милый,
Уведите же их, наконец!

* * *

Мы живём на проспектах имени палачей
Среди ржавых труб, расшатанных кирпичей
И глядим, как волки, в заросли кумачей,
Словно там остались залежи калачей.
Проплывают рядом бетонные пустыри
И торговых центров стеклянные пузыри,
Козырьки ларьков. Из серой юдоли сей
Никакой не выведет Моисей.

Мы живём на проспектах имени палачей,
В нашем супе бумажный привкус от их речей.
Мы идём к себе, да никак не найдём ключей.
Как в блокаду, стулья и книги внутри печей,
Мы в чугунных лбах сжигаем двадцатый век,
Он горит так долго, что хватит его на всех.

Мы живём на проспектах имени палачей,
Раскрываем рот — и голос у нас ничей,
Зажигаем в комнате лампочку в сто свечей,
А она освещает лес, перегной, ручей.
Утопивши сапог в промоине в том леске,
Вынимаешь — с дырявым черепом на носке.
Бедный Йорик, Юрик, вот он — бежал, упал,
На подушке мха — головы костяной овал,
Через дырочку видно атаку, огонь, оскал
Старшины, колючку, вышку, лесоповал.

И куда ни пойдёшь — на запад ли, на восток,
Бедный Юрик, бедный-победный Санёк, Витёк —
Все тропинки тобой перечёркнуты — поперёк.

Есть во фляжке водка, в термосе кипяток:
О тебя споткнувшись, о костяной порог,
У сухого пня с тобой посижу, браток,
Пошепчусь, пошуру, как сухой листок, —
Пока мне на роток не накинёт земля платок.

* * *

Год за годом нам прошлое снится,
Снится, даже когда мы не спим.
В дождевых перепутанных нитях,
Из-за каменных сомкнутых спин

То ли родичей, то ли соседей,
Одноклассников – смутно видна
Оплетённая мокрою сетью
Исчезающая страна:

В крепдешиновом платье мама,
Доходящий от голода дед,
И несёт из разошедшей рамы
Трупным запахом бед и побед.

Всё смешалось в дымящейся яме –
Вонь барака, и невский гранит,
И телячьих вагонов качанье,
И Катюша, и Пушкин убит,

И, ногою пиная булыжник,
По стене оседая в углу,
Тихо воешь во тьму: «Ненавижу!»
Отзывается эхо: «Люблю!»

* * *

Не дари мне эту Красную,
С пышной розою Кремля,
Где гуляют люди праздные,
Свою душу веселя,

Эту Красную, атласную –
Ни морщинки под страной –
Площадь ясную, напрасную –
Обойдём-ка стороной.

Переулками барачными
Бойче сыплются шаги:
Повстречались – новобрачные,
Разбежались – чужаки.

То ли рядом, то ли снится твой
Смех, растает – ну и пусть.
Как же рвётся воздух ситцевый,
Как же за тебя боюсь!

* * *

То ли мало любили мы, то ли бедно цвели,
То ли тех, кого милыми звали — не сберегли,
То ли пили не допьяна, жили не наяву, —
Видишь, белым хлопьями заметает Москву.
На углу постояли мы да свернули во двор —
Слышишь Каина с Авелем день за днём разговор?
Возит по сердцу пилами незаконченный счёт:
То ли много убили мы, то ли мало ещё.
Рассужденьями делятся собеседники тьмы.
Ты не слушай, метелица, наметай-ка холмы,
Из небесного сотканы пуха — на площадях,
Меж пустыми высотками, никого не щадя.
Слышишь, скрипка пиликает, как свернёшь на Китай, —
До Ивана Великого всё подряд заметай.

* * *

У людей дороги – не мороки,
У людей в подъездах чистота,
И пивная с бочкой темнобокой
Триста лет открыта у моста.

У людей что площадь, то игрушка,
У людей кофейни да цветы,
В круглых нишах бронзовые пушки,
Каменные посохи святых.

А у нас шагнёшь – газоны дыбом,
Угол отвалился от стены,
И несёт каким-то кислым дымом,
Не поймёшь, со свалки ли, с войны.

Дует ветер, протекает слово,
Как вода, в подземных тайниках,
И дыра на месте Гумилёва
Не затягивается никак.

* * *

Как я люблю вас, современники,
Чьи косточки ещё не ломаны,
Не знающие бед, ремейками
Злодейств – не согнанные толпами

В подвалы. Мальчики и девочки,
Люблю вас, петеньки и катеньки,
Ещё не ссыпанные – мелочью
Из волосатых лап – на каторги.

Как я люблю вас, современники,
В тенёчке ждущие под соснами,
Когда из вас навяжут веники,
Когда засыплют вас доносами,

Напишут «ВРАГ» большими буквами,
Везя дорогами разбитыми
Туда, где вы, почти не пуганы
И, в сущности, почти не пытаны,

Пред окровавленную стенкою
Погасите улыбки-лучики.
Как я люблю вас, современники,
Мои случайные попутчики!

* * *

Что же делать, дружок, что же делать,
То ли вовсе не спать, то ли в девять
Лечь — и жизни остаток проспять,
Обними меня крепче, кровать.

Что же делать, дружок, что же делать —
Обнаглевшая царская челядь
Ближе рыщет да больше берёт,
Зазевался — стоит у ворот.

Что же делать, дружок, что же делать,
А не делать — так стыдно соседей.
Неужели на кухне сидеть
И стареть и от страха сесть?

Неужели разбойною тёмной
Ночкой — ни за понюх пропадём мы,
Неужели — по кругу, дружок?
Не подуть ли в заветный рожок?

* * *

В нежилые деревья остывшие,
Где, как чёрные хлопья, кружат
Три вороны сварливые – тише вы –
Самозванные сторожа, –

Возвращаются листья, как дачники,
Зажигают на ясене свет,
И лежит пожелтевшими пачками
Довоенных газет

Снег, забытый в канаве, за банями,
Под заборами. Нищий уют –
В кронах праздничных: пляшут, как пьяные,
Ветки,
плачут, «Землянку» поют.

* * *

Выйдут сроки — и язык немецкий
Клейким страхом не наполнит рот,
Чёрную раскатистую метку
С альвеол разбуженных сотрёт.

Он тогда омоется от крови
Тех, лежащих голыми во рву,
В нём засвищут птицы, а коровы
Мордами зароятся в траву.

Он тогда очистится от пепла
Тех, сожжённых в газовых печах, —
Чтоб в его цветке пчела запела,
Чтобы дивный корень не зачах.

Чтобы — топот звонок, шёпот жарок —
Тёмный всадник нёсся через лес,
Унося с собою лай овчарок
И колючей проволоки блеск,

От земли отталкиваясь резче,
По намокшим утренним цветам.
И тогда хвалу немецкой речи
Заново напишет Мандельштам.

* * *

Вот он плывёт над нами — призрак, Бессмертный полк,
В гулком «ура!» — как будто грохот «катюш» не смолк.
Дедушки чёрно-белые, глянцевые отцы,
Ветер лижет их лица — на палочках леденцы.
Все мы на запах Победы слетаемся, как на мёд,
И мертвецы над нами тихо плывут вперёд,
В будущее. Молчали деды — придя с войны.
Внуки пригубят крови дедовой — и пьяны,
Столько её разлито — рядом ли, вдалеке, —
Все мы стоим по шею в тёплой её реке.
Волны её упруги: здесь, посреди реки,
Все поневоле братья, на берегу — враги.
Завтра пойдут колонной дети — и встретит их —
Чёрной икрой ОМОНа площадь: не для живых!
Вот сгорят они в танке, примут последний бой —
Мы их наденем на палки и понесём над собой.
Будем любить их нежно, в мутном глазу — слеза,
Будем любить их — павших, ну а живых — нельзя.
Вязкое солнце льётся, брызжет багряный шёлк.
Главная наша надежда — мёртвых засадный полк.

* * *

Господи, если есть у Тебя рай,
Ты меня туда, конечно, не забирай
К праведникам прозрачнокрылым,
Сама знаю – не вышла рылом.
А пусти меня на кухню через чёрный ход
В сорок первый год,
К Рябинкину Юре,
Чтоб за крестами бумажными ветры дули,
Буду варить ему кашу, класть по ложечке в рот,
И он не умрёт.
Каждый день буду варить кашу –
Пшённую, рассыпчатую, – а как же,
И когда он поднимет руку, то этот жест
Будет лучшим из Твоих блаженств.
День за днём буду варить кашу –
И о смерти, глядящей в лицо, Юра не скажет.
Буду варить кашу вечером и поутру –
И мама не бросит Юру, спасая его сестру.
И тогда я увижу краешком глаза –
Всеми шпильями сразу
Колосящийся, будто рожь,
Петербург небесный, в котором Ты всех спасёшь.

* * *

Юрию Дмитриеву

Вот он, спаситель страны, которой не до спасенья,
Вот поводырь костей, лежащих в грязи весенней,
Плачущих — назови каждую! — ждущих ласки,
Это ль не danse macabre, русские пляски.
Это ль не житие — тюрьма, клевета, опала:
Нечего различать в шорохе листьев палых
Смутные голоса, контуры тел простёртых,
Нечего вызывать канувший остров мёртвых.
Вышиты палачи заново на знамёнах,
Лучше уж помолчи — нынче не до клеймёных,
С рваной ноздрёй, дырой круглой в затылке, — видишь —
Музыка, пир горой — вот где у них твой Китеж!

Ладно. Горит свеча в мокром лесу над ямой.
Жертвы и палача горячими именами
Воздух пропитан, мох, серые корни, хвоя.
Слово-то — Сандармох — сонное, меховое.
Только б одну сберечь свечку, теряя силы, —
Чтоб миллионом свеч вспыхнула вся Россия.
Неба не видно, стен — всё убиенных тени:
Рано ещё — с колен.
Надо бы — на колени.

* * *

Снег завесил занавеской тюлевой
Кухонное тусклое окно.
На земле моей, покрытой тюрьмами,
Погляди, по-прежнему темно.

В облаках дымится месяц узенький,
Куст топорщит пухлые бока.
А давай-ка за невинных узников
Мы поднимем к полночи бокал —

Поглядим на стол, на ель колючую,
Выпьем — ты кивнёшь, и я кивну,
Хрупкое своё благополучие
Ощувив внезапно как вину.

* * *

Кто мусульманкой бабочку назвал,
Тот не жилец уже на этом свете.
С утра одета в чистое, трезва,
Его душа не думает о смерти,

И сон её тревожен и глубок,
Погашен взгляд, распахнуты ладони,
Она отыщет тихий уголок –
И думает, что скрылась от погони,

Что нипочём ей город-великан
Одышливый – шутнице, озорнице,
Что не за ней по рыжим облакам
Бегут подслеповатые зарницы,

Что чёрный ворон вьётся не над ней
И тормозит не у её подъезда.
Она уже почти в краю теней,
Но мешкает у входа – как невеста.

Её не занимает кутерьма
Допросов, протоколов, пересылок,
Она не понимает, где тюрьма
Кончается – и возникает, зыбок,

Пейзаж, где даже отнятый паёк
Не важен, и какую яму рыли,
И кто упал, и горизонт поёт
И дышит, будто бабочкины крылья.

* * *

Не до жимолости — хоть бы жалости —
Всем, кто в горести и усталости,
Всем, кто в сырости и во тьме,
Всем, кто в сирости и в тюрьме.

Не до жимолости — хоть бы милости —
Всякой малости, всякой живности,
И утопленному щенку,
И избитому пареньку.

Только милости — Бог с ней, с жимолостью, —
Как же сделались мы прижимисты:
Набегающую слезу
Зарываем, как клад в лесу.

Нет нам жалости, нет нам милости —
Нашей стылости, нашей вшивости.

Нам поставят железные койки,
Чтобы плакал и молод и стар,
Лишь в небесном приёмном покое,
Где крылатый не спит санитар.

* * *

Посмотри, как быстро течёт неправда
За худыми рёбрышками окна,
И течёт она, как река Непрядва,
И, глядясь в неё, замерла страна –

Ей на поле заспанном Куликовом
Не с Мамаем встретиться, а с собой.
Посмотри, горизонт в облака закован,
Кроме тесной промоины голубой.

Узкий луч рассвета кровавит воду,
Паутинка дышит в углу стекла.
Неужели нечем купить свободу?
Лошадь фыркает. Тонко поёт стрела.

Здравствуй,
снег

* * *

Беги-беги походкой резвою –
Вверх – от разлуки до разлуки –
По лезвию любви, по лезвию,
Над городом раскинув руки.

Над этой улицею сирюю,
Пустынной, заспанной, в халате,
Беги, опасно балансируя,
Как на невидимом канате,

Над этой жизнью бесполезною,
Скреплённой на живую нитку,
По лезвию любви, по лезвию,
Покуда нежности в избытке,

И над согражданами, падкими
До сладкого и дармового,
И над дождём, босыми пятками
Вдруг прыснувшем от постового,

Беги над пьяными и трезвыми,
По мокрым рельсам и по шпалам,
По лезвию любви, по лезвию:
Оступишься – и всё пропало.

* * *

Бог даёт любовь кому захочет,
А кому не хочет — не даёт.
Мне достался золотой листочек —
Над сырыми пятнами болот,

Над широкой просекой летит он,
Где густой малинник завился,
Будто номерок случайно выдан,
А куда — подглядывать нельзя.

Он летит над озарённым миром,
Городом, раскрытым, как альбом,
Над заливом, над покрытым илом
Берегом, над ржавым кораблём,

Над землёю, сшитой не по мерке,
Где — то старый храм, то старый дот,
Кружится листок — и всё померкнет,
Если он на землю упадёт.

* * *

Я хочу обнять тебя руками, ногами, хвостом,
Створками раковины, ворсинками, бахромой, кустом,
Лужей, мокрой тропой, чистым листом,
Молчанием, криком, праздником и постом,
Прошлым, будущим, залпами Первой мировой
И последней – слышишь её утробный вой,
Трубный глас, непотребный смех,
Облаком, расправляющим влажный мех
Над крышами, веком, плывущим сквозь синеву и чернь
Холодного неба. А иначе – зачем?

* * *

Смотри, как эти листья красные,
Нарядные, и эти жёлтые
Уходят неохотно с праздника,
Куда вот только что зашёл ты,

Едва привык, едва освоился –
Улыбка, облегчённый выдох,
Едва со лба откинул волосы –
И вот – пожалуйста, на выход,

Туда, за листьями. Растерянно
Весь вечер машет им руками
Распахнутое настезь дерево,
Пронизанное сквозняками.

* * *

Здравствуй, снег, я тебя ждала,
Разговаривала с тобою,
Нерожденным, полы мела,
Разбавляла вино водою,

Как какой-нибудь древний грек,
Песни пела, обновки шила,
Ночью, тёмною, будто грех,
Раскрывала окно пошире,

Стыла в складчатой мгле до пят,
Чтобы сразу к тебе прижаться:
Как же холодно без тебя!
Как же коротко наше счастье.

* * *

Ты был так царственно беден,
В холодной куртке стоял.
Картошка была за обедом
И спирт королевский – «Рояль».

Да всё было королевским –
Парадный гарцующий снег,
Вишнёвые занавески,
Задёрнутые на окне.

Но не попадал в опалу
Ни стол, ни цветок в воде,
Ни пепельница, на впадлом
Лежавшая животе.

И подданный мир поющий
(Не жалуйся, казначей!)
Был выслушан и отпущен
В ближайшую из ночей.

Сумерки

Сквозь ячейки комариной сетки,
Мокрых стёкол хрупкие тела
Сумерки заходят, как соседки,
И садятся у стола.

Всё длиннее длинные ресницы,
Всё темнее тёмные платки.
Что вам нужно от меня, сестрицы,
На помин легки?

Видите же, я ещё не ваша —
Вон дитя гуляет по двору
И закат стоит, горяч и влажен, —
Уходите подобру.

Не уходят. Зажигаю лампу.
Неохотно прячутся в углы,
В ёлок растопыренные лапы,
В печку — в холмики золы.

Опускаюсь, как под тяжким грузом.
К подбородку тянется рука,
Второпях нащупывая узел
От незримого платка.

* * *

Мы стоим посреди листопада.
Каждый лист – будто прожитый день,
Отрывается – первый, сто пятый –
Только жёлтый зигзаг в пустоте,

Только быстрых ладоней касанье,
Зябкий шёпот, отчаянный взгляд,
Только губы с горчинкой – и сами,
Отрываясь, летим через сад,

Вниз, кругами, и путь наш угадан,
И в глазах – то ли страх, то ли дым,
И деревья, как свечи у Гайдна,
Тихо гаснут одно за другим.

* * *

Давай скорей смотреть в окно,
На ветер, с песнею простою
С берёз срывающий руно
Оставшееся золотое,

И на играющий с детьми
Клён пятипалый, краснокожий.
Ты за руку меня возьми —
Чтоб я не улетела тоже.

Давай скорее выйдем в сад,
Во двор-колодец, на проплешины
Травы, где с шорохом летят
Мятущиеся души грешные.

Снимай скорей пальто с гвоздя —
Бежим по набережной тесной,
Где город на цепях дождя
Раскачивается над бездной.

* * *

Вот и осень кончилась, поди-ка,
Мокрой колоннадой и тоской,
И в петлицу белую гвоздику
Сунул сумасшедший городской.

Глядя на светящиеся тачки,
Мёртвую пластмассовую ель,
Шепчет клён – ограбленный Башмачкин –
Ветер, ветер, где моя шинель?

Ты с меня сорвал её по пьянке –
Видишь, замерзаю налегке,
Но в небесной табели о рангах
Мы с тобою – на одной строке.

Ты же брат мой, ветер, ты же брат мой –
А не тот прохожий человек.
В чёрном небе, в продувной парадной –
Комом в горле – набухает снег.

* * *

Скорей, скорей, без памяти, бегом,
Оттуда – сантиментом не торгуя –
Где разве что не дали сапогом,
Где зеркало становится врагом,
Любовником, целующим другую.

Скорей, скорей, покуда снег в полях
Расстеленных – твоих следов не выдал,
Беги – жидом, за коим мчится лях,
Пока закат набором звёздных блях
Не прозвенел в затылок – видел, видел!

Не убежишь – но всё-таки беги
Внутри греха – сверкающего шара, –
Домашние твои – тебе враги,
Но хрупкие чужие очаги
Не задевай – в них слишком много жара.

Не убежишь – покуда шарик цел,
Перебирай ногами, недотрога,
Но время изменяется в лице –
Беги, почуяв снайперский прицел,
Катись, вернее, – скатертью дорога.

* * *

Что ж, госпожа Обида, крепко твоё вино,
Пьёшь, и конца не видно, жаловаться грешно.
Гладит вода ступеньки набережной с трудом —
Чёрная — перед тем как сделаться белым льдом.
Ветер походкой шаткой движется налегке,
Стискивая свинчатку в прозрачном кулаке.
Выщербленные плиты бьёт каблуками дождь.
Что, госпожа Обида, много ли ты возьмёшь —
Павловскими платками неба и у Невы —
Смертными пятаками падающей листвы?
Или ты хочешь больше — определив: чужой —
Жёлтою кредиторшей тянешься за душой?
Не говори, что бита карта моя, не ври:
Снег, госпожа Обида, стелет свои ковры,
Вот уж ко мне по волглой тропке идут на чай —
Глянь — госпожа Тревога и госпожа Печаль.

* * *

Покричала – не помогло.
Давай ещё поваляйся в пыли,
Разбей что-нибудь – пока уберёшь стекло,
Полегчает. А если нет – вали.

Далеко не получится – дети, то да сё,
В глазах круги и башка тупа.
Водки хлопнула – всё равно трясёт,
Ну хоть на грабли не наступай,

То есть не склеивай черепки,
Веди себя как большая – ляг
Носом к стенке, не отвечай на звонки,
Не вывешивай белый флаг

Или весёлый Роджер. Хочешь – скажи «капец»,
Словно ты на дороге, спущено колесо.
Сядь на обочину, наконец,
И реви, просто реви, и всё.

* * *

Ах, как вымокло пальто,
Отсырели косточки,
Нет меня, и я никто —
Лишь горох на кофточке.

Кабы я была с тобой,
Была б я заметная,
А так — беретик голубой,
Я никто, и нет меня.

Бабушка-то, помнится,
Смеялась надо мной:
Быть тебе любовницей,
Не быть тебе женой!

Как посыпался снежок,
Так, глядишь, и вышло.
Выпьем-ка на посошок
Да закусим вишней —

Нет, не вишней, а ледком,
Молодым, незрелым, —
Не сидеть мне ладком
С этим кавалером —

Всё куда-то он спешит,
Родненький, торопится,
Белой ниткою шит
Зимний путь норовистый.

* * *

Опрокинешь вечер, задев рукой, —
И раскатятся угольки.
Самолёты плавно скользят дугой —
Как серебряные коньки.

Заметает их дождевая взвесь
С мелкой крошкой ледяной.
Что я делаю на дороге здесь
И зачем я иду домой?

Видишь, бурый снег зачерствел внизу,
Ветки склеились наверху,
Слышишь, как закачался, пустил слезу
Пьяный ветер, обняв ольху.

Пусто в поле. Жила бы в другом краю,
Без еловых густых мехов, —
Ни про жизнь твою, ни про смерть твою
Никаких бы не знала слов.

* * *

Ты со мной летишь, я с тобой лечу, мы с тобой летим,
Точно бабочки на свечу и по ветру дым,
Мимо голых роц, и пустых равнин, и холодных дач –
Милый мой, далеко летим? – Далеко, не плачь.
Мимо кухонного стола и зажжённых ламп,
И дивана, где наши тела, и еловых лап,
Мимо ангела и креста, мимо Царских врат,
Над водой – под мостом текущей всегда назад,
Над плакучей ивой, вморозившей косы в лёд.
Не бывает любви счастливой – но есть полёт.

* * *

Занесённые снегом сараи,
Плечи маленького городка.
Еду-еду, горю не сгораю,
Тьма прозрачна и тяжесть легка.

Огоньки, красно-белый шлагбаум,
Шпалы, шпалы и снова огни.
Что мы нынешней встречей добавим
К звёздной карте? Усни. Обними.

Этой ночью с завёрнутым краем
Стылой жизни, с подтаявшим льдом
Мы друг друга найдём, потеряем,
Потеряем и снова найдём.

И какая нам разница, где мы, —
Не вини. Не печалься. Налей.
Зимний ветер, летящий, как демон,
И пустые глазницы полей.

* * *

На молнию узкоколейки
Потёртый застёгнут простор –
До горла. Озябли. Налей-ка.
В углу кочерга и топор,

Замёрзшими комьями воздух
Разбросан в остывшей избе,
И быстрый ворованный отдых,
Дарованный мне и тебе,

И мир, припорошенный манной,
В дыму от чадающих печей,
Приправленный скудной, обманной
Любовью – и больше ничем.

* * *

Уплывают льдины-лебеди
По Фонтанке по реке,
В хрупком сне, в предсмертном трепете
Исчезают вдалеке.

Уплывает с теми льдинами
Наше быстрое тепло,
Небеса висят пустынные,
Как вокзальное табло.

В городском тумане марлевым
Будем снова дни считать,
Пылью носится бездарная
Календарная тщета.

Чтобы в жалком нашем лепете
Не слышалось беды —
Уплывайте, наши лебеди,
Наши мартовские льды!

* * *

Я напрасно, видно, судьбе пеняла –
Да, она нас не баловала, но
Посмотри – как ластиком из пенала,
Снег стирает всё, что ещё чёрно.

Он стирает контур замёрзшей дачи,
И дорогу, и яблоню, и забор,
И слова, которые сердце прячет,
Ужасаясь и жалуясь до сих пор.

Я не верю глазам, на пороге стоя, –
Снег идёт, идёт – за верстой верста,
Он стирает сложное, а простое
Оставляет нам на краю листа.

Он стирает всё, до чего добраться
Удаётся, – лица, привычки, смерть,
От двоих оставляя одно объятье,
Потому что не может его стереть.

* * *

Снег идёт по озябшим болотам,
Снег идёт по остывшим лесам,
У окошка потопчется: кто там?
Не поверит ничьим голосам.

Мимо тяжкой работы и пьянки,
Гулкой улицей, тихим двором
Снег проходит, неузнанный ангел,
Задевая нас мягким крылом.

Так мы глупо, не бережно жили,
Промотали впустую века —
Только и заслужили, что шире
Окоёма пустые снега.

И ладони, в которые Каин
Прячет мокрые щёки, — тихи.
Снег идёт — как грехи отпускает —
Всей земле отпускает грехи.

* * *

Будем любить друг друга – и сейчас, и потом, без тел,
Будем любить друг друга, как нам Катулл велел.
Это ведь репетиция – периодами Уитмена,
Перелётными птицами будешь любить меня.
Это ведь черновик – строчкою Веневитинова,
Скорописью кривых веток буду любить тебя.
Будем влетать друг в друга ласточкою, стрижом,
Вологдою, Калугой, двенадцатым этажом,
То холодком по спинам, то солнечным куражом,
Расклёванною рябиной в сквере за гаражом,
Грозы шелковистой кожей, бледным узором её.
Воздух висит в прихожей, поплёскивая, как ружьё.

Содержание

С той стороны жизни

«Вся эта улица, трамвайный...»	5
«Кто я, Господи, откуда я...»	6
«Ты включаешь меня, нажимая на пуск...»	7
«Ничего без тебя бы не было...»	8
«Кто чижилом, кто воробьём...»	9
«Имя в книжке записной...»	10
«Никакого я не имею права...»	11
«В тёмной утробе зимы шерстяной...»	12
«Где ты ходишь, невидимый, где ты...»	13
«Из воздушных степей...»	14
«А знаешь, всё-таки спасибо...»	16
«Женщина в разлом своего тела...»	17
«Вот ты и пришёл ко мне...»	18
«В чёрно-белую гулкую стужу...»	19
«Спящий не спит...»	20
«Снег лежит как убитый царевич...»	21
«Слезится стекло, оплывает стена из воска...»	22
«Развернулась гармошка ступенек...»	23
«С той стороны жизни...»	24
«Воздух нарезан стрижками...»	25
«Ничего я не забыла — ни помады, ни платка...»	26
«И снег вернулся — грязный, серый...»	27
«Ты меня ревнуешь к снегу...»	28
Прогулка	29
«Знаешь, всего дороже...»	30
«Мы будем точкой с запятой...»	31
«Ангел мой хранитель...»	32

Отпуск

«Я беспокоюсь — как я выгляжу...»	35
«В стороне моей холода...»	36
«Синяя ваза с фруктами облаков...»	37
Отпуск	38

«Льётся с неба вода, как живое стекло...»	43
«Выглянешь из дому — ветки уже покрыты...»	44
«Уже смеркается, Меркуцио...»	45
В поезде	46
«В Европе учат жить, в России умирать...»	47
«Вот только что строилась эта...»	48

Случайные попутчики

«Вечерами под окнами Блока...»	51
«Мы живём на проспектах имени палачей...»	52
«Год за годом нам прошлое снится...»	54
«Не дари мне эту Красную...»	55
«То ли мало любили мы...»	56
«У людей дороги — не мороки...»	57
«Как я люблю вас, современники...»	58
«Что же делать, дружок, что же делать...»	59
«В нежилые деревья остывшие...»	60
«Выйдут сроки — и язык немецкий...»	61
«Вот он плывёт над нами...»	62
«Господи, если есть у Тебя рай...»	63
«Вот он, спаситель страны...»	64
«Снег завесил занавеской тюлевой...»	65
«Кто мусульманкой бабочку назвал...»	66
«Не до жимолости — хоть бы жалости...»	67
«Посмотри, как быстро течёт неправда...»	68

Здравствуй, снег

«Беги-беги походкой резвою...»	71
«Бог даёт любовь кому захочет...»	72
«Я хочу обнять тебя руками...»	73
«Смотри, как эти листья красные...»	74
«Здравствуй, снег, я тебя ждала...»	75
«Ты был так царственно беден...»	76
Сумерки	77
«Мы стоим посреди листопада...»	78
«Давай скорей смотреть в окно...»	79
«Вот и осень кончилась, поди-ка...»	80
«Скорей, скорей, без памяти, бегом...»	81
«Что ж, госпожа Обида, крепко твоё вино...»	82

«Покричала – не помогло...»	83
«Ах, как вымокло пальто...»	84
«Опрокинешь вечер, задев рукой...»	85
«Ты со мной летишь, я с тобой лечу...»	86
«Занесённые снегом сараи...»	87
«На молнию узкоколейки...»	88
«Уплывают льдины-лебеди...»	89
«Я напрасно, видно, судьбе пеняла...»	90
«Снег идёт по озябшим болотам...»	91
«Будем любить друг друга...»	92

Татьяна Вольтская. Крылатый санитар

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 25.08.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 6.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6042671-4-1

9 785604 267141

Стихи Татьяны Вольтской обладают ясной силой, у них открытое лицо, прямой и чистый взгляд, они заряжены чувственной энергией с первой строки.

Владимир Гандельсман

Вот стихи, по большей части игнорирующие так называемые современные веяния, проще говоря, моду. Здесь всё не так, как, кажется, должно быть в эпоху метамодернизма, в чём нас пытаются убедить пишущие, читающие и, главное, критикующие.

Марина Гарбер

Стихами последних лет Татьяна Вольтская нашла ресурс разговора с эпохой на равных. Говорит просто, отчётливо, бесстрашно.

Евгений Ермолин

ISBN 978-5-6042671-4-1

9 785604 267141